

Хэлянь Хуайюй нес Юй Чэньиня вниз с горы. В чаще, среди густой листвы, на рыхлой почве и острых камнях путь был не из легких. Птицы не умолкали, сквозь кроны пробивались редкие лучи солнца, ветер едва шевелился — царила безмятежная атмосфера послеполуденного отдыха.

Однако одежда на теле сохла медленно, и от влаги Юй Чэньинь чувствовал себя крайне неудобно. Ткань липла к коже, а жар, исходящий от Хэлянь Хуайюя, напоминал пламя печи. Юй Чэньинь ощущал себя рыбой, которую поджаривают на огне. Остатки воды из омута превратились в густой пар, окутавший его туманом, из-за чего дорога впереди казалась неясной.

Похоже, у него начался жар. Но как может растение отвергнуть воду, дарующую жизнь? Виной всему Хэлянь Хуайюй. Он сжимал его слишком крепко, причиняя неудобство, от которого ныло всё тело — от костей до самой кожи.

Юй Чэньинь на мгновение затосковал по своему монстру. Тот, хоть и был грубым и неотесанным, носил его на спине с удивительной нежностью. Его крепкие кости служили кроватью, мышцы — жестким одеялом, а солнечный свет заменял незримую постель. И вокруг всегда витал чистый аромат, словно благовония, воскуренные у изголовья.

Бездушный монстр, ставший его ложем, тело мертвеца, которое следовало бы предать земле, было пробуждено им, чтобы прийти в этот мир и служить ему бессловесной тварью, верным псом.

Несет ли он ответственность за своего монстра?

Своего. Своего. Своего? Если этот монстр принадлежит ему, подумал Юй Чэньинь, то он действительно должен нести за него ответственность.

Он запрокинул голову, и влажные пряди волос запутались в ложбинке его шеи:

— Как тебя зовут?

Хэлянь Хуайюй, не сводя глаз с пути, ответил:

— Хэлянь Хуайюй. Фамилия — Хэлянь. Имя — Хуай от слова «лелеять», Юй — от «великая мудрость кажется глупостью».

— Разве у вас в племени Яо фамилии не Яо? Или только ты носишь другую?

Хэлянь Хуайюй промолчал.

— Лай Сюй не может уходить от меня далеко, иначе он быстро зачоченеет и станет трупом.

— В таком случае, пусть лучше обретет покой в земле.

Юй Чэньинь вцепился в одежду на груди Хэлянь Хуайюя:

— Он — монстр, которого я выкормил, моя собственность. С чего ты решил, что вправе распоряжаться его судьбой?

— Твоя? Лай Сюй родился и вырос в племени Яо. Как вождь, я обязан спасти его от невежества и вернуть в цикл перерождений.

— О? Вождь так высокопарно рассуждает, что я даже не знаю, как возразить. Но ведь он сам пытался меня убить и поплатился за это жизнью. Даже если он теперь стал таким, забыв обо всем, что было в прошлом, я не могу простить нанесенную мне обиду. Лай Сюй должен искупить свою вину. Вождь, ты хочешь взять его грехи на себя?

— Искупить вину?

— Именно. Если не хочешь, чтобы он был моим псом, я буду только рад, если ты сам займешь его место.

Хэлянь Хуайюй остановился, нахмурившись, взглянул на Юй Чэньиня и тут же отвел глаза. Маска скрывала его лицо, но не могла спрятать шею, длинные волосы, капли воды и тонкий аромат, исходящий от тела. Хэлянь Хуайюй зашагал быстрее:

— Следи за языком. Если, попав во дворец, ты продолжишь так же болтать, то смертная казнь станет твоей единственной участью.

— Ты разозлился, — Юй Чэньинь немного повеселел. — Почему ты злишься? Разве тебе не по душе стать моим псом? Ты считаешь меня растением, а я тебя — животным. Ты ведь даже двигаться умеешь, почему же ты недоволен?

Хэлянь Хуайюй глубоко вздохнул:

— Не вынуждай меня затыкать тебе рот платком. Пожалуйста, будь тише и поменьше говори.

— Ты не позволяешь мне показаться на глаза, а теперь еще и запрещаешь говорить. Ты слишком жаден, я могу выполнить только одно твое требование.

Хэлянь Хуайюй, потеряв терпение, вытащил из-за пазухи платок и, зажмурившись, приподнял маску, чтобы заткнуть рот Юй Чэньиню.

Наконец-то воцарилась тишина.

Юй Чэньинь пытался сопротивляться, но безуспешно — Хэлянь Хуайюй лишь сжал его крепче. Однако он действовал слишком грубо, и уголки губ Юй Чэньиня отозвались болью. Со временем слюна пропитала платок, и капли начали стекать наружу.

Юй Чэньинь почувствовал себя униженным.

Он вспомнил свои дни в больнице в прошлой жизни, когда после операции был прикован к постели. Он ощущал себя не человеком, а запертым в клетке телом. Но он не был вазой или подушкой, его мысли продолжали течь, и эта живость сознания лишь усиливала его стыд.

В такие моменты он больше всего хотел и в то же время боялся встречи со старшим братом. Он не хотел, чтобы кто-то видел его в столь жалком состоянии, но в то же время страшился остаться без утешения.

Юй Чэньинь перестал бороться, став послушным и тихим.

Но эта тишина, напротив, заставила Хэлянь Хуайюя почувствовать себя неловко.

— Что с тобой? Тебе плохо? — Конечно, это был пустой вопрос. Он сковал движения Юй Чэньиня и заткнул ему рот, неужели он рассчитывал на духовный диалог или осознанный ответ?

Хэлянь Хуайюй опустил взгляд, но из-за маски не мог разглядеть выражения лица Юй Чэньиня. Его одежда наполовину высохла, и капли воды на ключицах стали заметнее. Взгляд Хэлянь Хуайюя проследил за дорожками влаги до самого края маски:

— Какой же ты изнеженный, даже не шел сам, а уже весь в поту.

Юй Чэньинь от стыда и гнева закрыл глаза. Он не понимал, оскорбляет его Хэлянь Хуайюй или действительно ничего не смыслит.

Хэлянь Хуайюй так и не вынул платок. Юй Чэньинь прошел путь от стыда и ярости до оцепенения и смирения.

Если представится случай, он обязательно проучит этого самонадеянного Хэлянь Хуайюя. Какая еще великая мудрость? Глупец, болван, безнадёжный дурак!

Добравшись до ровной площадки, где были привязаны лошади, Хэлянь Хуайюй наконец вынул платок. Мокрая ткань доставляла ему неудобство. Он хотел было выбросить её, но сам не зная почему, спрятал обратно за пазуху.

Она была влажной и холодной, пропитывая его нижнюю одежду на груди.

<http://bllate.org/book/18606/1791625>